

В тот момент, в глубине души, я знал, что Го Ёхан примет мою сторону всегда. Я был абсолютно уверен в этом.

Когда я повернул голову, то услышал, как стул позади меня громко заскрипел по полу. Дверь была не закрыта. Типично для Го Ёхана. Он долго стоял у задней двери, прежде чем медленно подойти и занять свое место. Я чувствовал, что вот-вот задохнусь.

— ...

По какой-то причине мне показалось, что бутерброд в моей левой руке горит. В классе были только я, Шин Джэхен и Го Ёхан. В воздухе повисла тошнотворная тишина. Я на мгновение устался на свой сэндвич, прежде чем откусить большой кусок. Хруст. Яйцо застряло у меня между зубами.

Не говоря ни слова, Шин Джэхен встал и закрыл дверь, которую Го Ёхан оставил открытой. Щелчок. Звук захлопнувшейся двери эхом разнесся по комнате. И в этот момент ветер прошептал мне: Помни, Кан Джун, май еще не закончился.

По дороге домой после школы я обнаружил, что у меня украли обувь.

Я слышал, что подобные вещи время от времени случались в школе, где учились даже дети из самых бедных семей, но я впервые столкнулся с этим на собственном опыте. Не то чтобы у меня была какая-то особая привязанность к этим туфлям, поэтому я не был убита горем. Просто раздражен. Я тихо закрыл шкафчик и посмотрел на свои домашние тапочки.

— Отлично. Теперь мне придется расхаживать по округе и говорить всем, что у меня украли обувь. Блять.

Единственным утешением для меня было то, что люди не обращают на внешность других столько внимания, сколько можно было бы подумать. Я молился, чтобы этого не заметили. А ублюдка, который их украл, я убью к чертовой матери.

Это явно было сделано намеренно. И теперь, когда я в таком состоянии, они думают, что могут просто наступать мне на пятки?

Возможно, у меня паранойя, но, учитывая все, что происходило со мной в последнее время, было бы более удивительно, если бы я так не думал. Это было не только в моей голове. Один из моих блокнотов пропал. Однажды, вернувшись из ванной, я обнаружил, что мои ластик и механический карандаш валяются на полу. А незадолго до этого мой стол был сдвинут с места, как будто кто-то на него наткнулся. Должно быть, кто-то, копаясь на моем столе, задел его, уронив мой пенал на пол, и все же никто не потрудился собрать мои вещи.

Когда я стоял там, уставившись на свой стол, изолированный от шумной, равнодушной толпы, с мокрыми руками, я понял, что это не просто мое воображение.

— Гребаные придурки.

Я не мог не чувствовать негодования.

Раньше те же самые люди окружали меня, как будто мы были лучшими друзьями. А теперь посмотрите на них. Во мне вскипел гнев, и мои шаги стали неровными. Не осознавая этого, я в отчаянии провел рукой по волосам.

И в этот момент...

— Ай!

Острая боль пронзила ступню. Она горела. Когда я поднял ногу, чтобы проверить, я увидел, что мой белый носок стал красным. Под ним блестел осколок зеленого стекла. Я ходил в тапочках, не обращая внимания на то, куда иду, и теперь расплачивался за это.

Как будто я и так не был достаточно взбешен. Как будто я и так не сходил с ума от этой постоянной полосы невезения.

— ...Черт.

У меня никогда ничего не получается. Почему, черт возьми, у меня никогда ничего не получается?

— Черт! Блять! Да за что мне это! Черт возьми!

Я больше не мог сдерживаться. Что за чертова дерьмовая жизнь. Это была только моя вина?

Если я серьезно подумаю об этом, то очевидно, что Го Ёхан тоже причинил мне боль. Он явно делал то, чего не должен был делать. Так почему же именно меня игнорировали, я был вынужден не высовываться, я был тем, кто следил за каждым своим шагом, у меня украли обувь, я был тем, кто наступил на какой-то дерьмовый осколок стекла и истекал кровью из-за этого? Это была не только моя вина. Я тоже был жертвой.

Не привлекая Го Ёхана к ответственности, я, по-своему, извинился за свои собственные ошибки. Но Го Ёхан? Он был эгоистом с самого начала.

Тогда почему? Почему? Почему я единственный, кому приходится иметь дело с этим дерьмом?!

Вот почему парни помешаны на иерархии. Дело не в том, что кто-то сделал что-то неправильно, а в том, кто именно это сделал. Мир так устроен. Так несправедлив. Это так чертовски бесит. Я ненавижу это. Я ненавижу все это!

Если ты не был на стороне Хан Джун У или Го Ёхана, тебя игнорировали. Если ты не был частью их группы, к тебе относились как к неудачнику. И даже если тебя унижали, ты должен был отшучиваться, как ни в чем не бывало. В этом крошечном пространстве, где за каждым движением следили, что, черт возьми, я должен был делать?

Так с чем же я в итоге столкнулся, а?

После того, как Го Ёхан бросил меня, я был выброшен навсегда. Посмотрите, во что превратилась моя жизнь. Гребаные ублюдки. Если вы собираетесь называть меня крысой, то, черт возьми, не ставьте меня в ситуацию, когда я должен быть таковым. Если вам не нужны такие люди, как я, тогда перестаньте заставлять нас существовать подобным образом.

Посмотрите на Хон Хуэйцзюня, Чхве Донхвана и Пак Дончоля. Этих парней тоже выбросили. Как, черт возьми, они теперь живут в школе? Как жалкие неудачники. Они даже сами не смогли этого понять.

Так какого черта я... Почему я?

— Да черт возьми!

Я больше не мог сдерживаться. Я сорвал с себя тапочек и швырнул на землю.

Затем...

— БИП!

Резкий звук автомобильного гудка ударил мне в уши, заставив вздрогнуть. Я вскинул голову.

Прямо передо мной была припаркована огромная иномарка класса люкс. А на земле за ее бампером валялся мой тапок. Мои глаза расширились настолько, насколько это было возможно.

Кан Джун. Ты тупица.

Стекло медленно опустилось. Мужчина, на вид лет тридцати с небольшим, высунул голову наружу.

— Какого хрена ты делаешь с моей машиной, маленький засранец?!

— ...Боже, простите...

— Чертово отродье, уйди с дороги!

Мое лицо вспыхнуло от унижения. Я быстро опустил голову, пытаюсь подобрать свой тапок. При этом моя раненая рука, все еще в гипсе, стала невыносимо тяжелой, из-за чего я споткнулся и чуть не упал снова. Машина взревела, когда водитель включил двигатель. Едкий запах выхлопных газов ударил мне в нос, заставив закашляться.

Я поспешно встал и, волоча кровоточащую ногу, направился в боковой переулок. Я прислонился к стене, вдыхая и выдыхая, пытаюсь успокоиться.

Когда мое сердцебиение замедлилось, на меня внезапно обрушилось чувство унижения.

— Черт возьми... Что за дурацкая шутка...

Я был смущен собственной вспышкой гнева. Жалкими последствиями моего безрассудного гнева.

Конечно, в моей жизни никогда ничего не получалось. Черт возьми.

Я медленно опустился на землю. Мой когда-то белый носок стал совсем красным. Должно быть, я сильно порезался. Возможно, я наступил на еще несколько осколков, когда спотыкался.

Но боль в ноге была сильнее, чем унижение. Я долгое время не мог заставить себя подняться.

Как и ожидалось, рана была глубокой.

Мне пришлось удалить крошечные осколки стекла, застрявшие в коже, и наложить восемь швов. С другой стороны, мне больше не нужно было покупать новую обувь – я все равно не смог бы носить ее должным образом. Из-за того, что моя левая нога была забинтована, у меня не было другого выбора, кроме как ходить в школу в домашних тапочках. По крайней мере, погода позволяла.

Моя правая рука уже была повреждена, так какое это имело значение, если пострадала и левая нога? Врач посоветовал мне не давить на рану, что, в некотором смысле, принесло облегчение. По крайней мере, теперь у меня была причина не носить обувь. Это означало, что

я мог сохранить в тайне тот факт, что у меня украли туфли.

Я не сказал об этом родителям.

Тем не менее, я не мог игнорировать пристальный взгляд домработницы, который был прикован к моей ноге во время ужина. Этот взгляд задел мою совесть, и, прежде чем я осознал это, я заговорил первым.

— Я случайно поранился в школе. Ничего серьезного, скоро заживет. Пожалуйста, не говорите моим родителям.

— Родителям?

— Да. Я не хочу, чтобы они волновались слишком сильно.

— ...

Экономка не ответила, но я знал, что она им ничего не скажет. Если бы она это сделала, мои родители отругали бы ее, а не меня.

Возможно, она даже была благодарна, что я попросил ее ничего не говорить.

Боль в ноге была настолько сильной, что ходить в школу пешком не представлялось возможным. Мне следовало пользоваться костылем, который мне предложили в больнице. Но я отказался, решив, что это привлечет слишком много внимания, и теперь даже повседневные дела доставляли мне хлопоты. Я достал свой телефон. Я мог просто взять такси.

— ...

Когда я пришел в школу и открыл дверь класса, меня встретила тишина, такая глубокая, что я почувствовал удушье. Ученики, которые ненавидели учебу, уже высыпались в коридоры, шумно болтая, в то время как те, кто не был заинтересован в разговорах, уткнулись в свои рабочие тетради.

Мир продолжал мирно развиваться, даже когда я боролся.

Для большинства людей мои несчастные дни не были чем-то из ряда вон выходящим.

В тот момент я был благодарен за это.

Я не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, как Кан Джун входит с забинтованной ногой. Конечно,

рано или поздно они бы узнали, но я хотел как можно дольше не привлекать к себе внимания.

Но то, чего ты больше всего хочешь, кажется, никогда не происходит.

Не слишком ли заметно я прихрамывал? Мои неровные шаги, должно быть, раздражали чей-то слух, потому что несколько студентов подняли головы, чтобы посмотреть на меня.

Черт подери.

Один из них - парень, с которым я никогда не разговаривал с тех пор, как перешел на другие курсы, - мельком взглянул на меня, проходя мимо, затем его взгляд остановился на моей ноге.

Блядство.

Его лицо исказилось от удивления, а рот приоткрылся.

— Кан Джун! Тебя снова ранили?

— Э-э-э... ну да.

— Черт, это, должно быть, больно.

Его взгляд задержался на моей ноге, брови нахмурились. От такого внимания мне стало не по себе. Наверное, потому, что я был смущен.

На этот раз я не мог придумать никакого оправдания.

— Что случилось?

— О, я просто наступил на стекло.

Я сказал правду, но не всю.

— А-а-а...

Он кивнул, но не перестал пялиться на мою ногу. Выражение его лица было встревоженным.

На что, черт возьми, ты смотришь?

Я быстро направился к своему месту. Как только я сел, Им Юнки и Пак Хаон перестали шептаться друг с другом. Последовало короткое молчание, прежде чем они обменялись взглядами, а затем Им Юнки повернулся ко мне.

— Я слышал, ты пострадал?

— ...Ну да.

— Черт. Как это случилось?

Что это?

Мое лицо исказилось от раздражения. Я меньше говорил и больше думал.

— Я уронил чашку, когда ночью набирал воду.

— А-а, понял.

Им Юнки усмехнулся и взглянул на Пак Хона, который толкнул его локтем, прежде чем повернуться ко мне.

— Черт возьми, ты, должно быть, проклят.

— Да. Наверное, я был неосторожен.

Если я хотел, чтобы все выглядело так, будто это ничего не значило - просто несчастный случай, - я должен был говорить непринужденно. Это был один из тех случаев, когда мое бесстрастное лицо пригодились.

Я пожал плечами.

— Я просто буду думать об этом как о невезении.

— Это, однако, серьезное невезение. Сколько швов наложили?

— Восемь.

— Черт. На что ты наступил, на нож?

— Стеклянная чашка была довольно большой...

Но Им Юнки не ответил. Вместо этого его взгляд скользнул в дальний конец класса.

Я сразу понял.

Пришел Го Ёхан.

Я наблюдал, как зрачки Им Юнки повторяли движения Го Ёхана – слева направо, затем немного вниз.

Твою же мать.

Послышался звук передвигаемого по полу стула.

Взгляд снова метнулся ко мне.

— Да, чашки из нержавеющей стали самые лучшие, правда?

— Ты умрешь, если еще раз воспользуешься стеклянной.

Пак Хаон и Им Юнки посмеялись над собственной шуткой. Это было никуда не смешно.

Я даже не потрудился посмеяться вместе с ними.

Возможно, мне следовало это сделать, чтобы не наживать врагов. Но я этого не сделал.

У меня все еще оставалось чувство собственного достоинства.

В конце концов, я все еще оставался Кан Джуном.

Они не заставили меня рассмеяться. Это была просто шутка между ними.

— ...

Беспокойство скапливалось в уголках моего сознания, как пыль.

Например, когда ты убираешься в своей комнате и вдруг обнаруживаешь огромную кучу пыли, спрятанную под твоей кроватью, мои проблемы превратились в огромный беспорядок еще до

того, как я это осознал.

Когда все стало так плохо?

Это был урок физкультуры.

С тех пор, как произошел инцидент на экзамене по математике, физкультура была для меня кошмаром.

Но у самого препода, казалось, не было ко мне претензий.

Во всяком случае, он вел себя так, словно оказал мне услугу, приняв странно властный вид – как будто хотел показать, что помог мне.

Возможно, он думал, что таким образом проявляет свою любезность.

Я чертовски ненавижу это.

Поэтому всякий раз, когда физрук подходил слишком близко, я притворялся занятым и избегал его.

Сегодня снова был один из таких дней.

Это был день, когда у нашего класса была физкультура с 8-м классом.

8-й класс означал, что там были Ким Минхо и Пак Дончоль.

Из всех людей именно они.

Как будто все и так было недостаточно плохо. У меня была повреждена нога, рука была бесполезна, переодеться в спортивную форму было бы хлопотно, и я даже не хотел приближаться к физкультуре. Я обдумывал, не использовать ли лазарет в качестве предлога для пропуска занятий.

Решение пришло быстро. Как бы я на это ни смотрел, пропуск был правильным решением.

Поэтому я сказал физруку, что хочу посидеть. Физрук пошел на такой щедрый компромисс.

— Физическая выносливость имеет решающее значение для старшеклассников. По крайней мере, бывай на солнце. Ты что, порождение тьмы? Перестань разлагаться в классе и хотя бы

выйди на улицу.

Это был негласный приказ.

В конце концов, меня выволокли на поле под предлогом отдыха.

Мне следовало просто попросить кого-нибудь передать ему о моем состоянии, а самому пропустить.

Тем не менее, в этом была небольшая выгода. Сидя на дальнем краю поля и тупо уставившись в пространство, я мог наблюдать за игрой студентов.

Среди них был Го Ёхан.

И тогда я кое-что понял.

У Го Ёхана было много друзей.

Или, если быть более точным, было много людей, которые хотели стать его друзьями.

Ну и дерьмо.

И вот я здесь, вынужденный следить за каждым своим шагом. В то время как Го Ёхан запасся двумя из пяти футбольных мячей, подаренных физруком, и играл с ними, как ему заблагорассудится. Здоровенные парни, окружавшие его, кричали:

— Передай! Передай! - выпендриваясь, как идиоты.

И, что удивительно, среди них были Ким Минхо и Пак Дончоль.

Что за идиоты.

Даже после того, как Го Ёхан их проигнорировал, они все равно присосались к нему, как пиявки.

Конечно, Го Ёхан не отдал пас. Вместо этого он ухмыльнулся Ким Минхо - тому самому Ким Минхо, над которым он издевался раньше, - и презрительно усмехнулся,

— Что? Хочешь сожрать и этот мяч тоже?

Ким Минхо, словно уже забыв о своем предыдущем унижении, расхохотался.

— Отвали, у меня мышцы, а не жир. Ты что, не знаешь, как выглядит крепкое телосложение?

— По-моему, это откровенный бред.

Вся эта ситуация была отвратительной.

И что было еще хуже - от чего у меня мурашки побежали по коже - так это от того, что я был ее частью.

— Эй! Блокируй, Ёхан!

Го Ёхан увернулся от парня, пытавшегося отобрать у него мяч. От мощного удара футбольный мяч взлетел высоко в небо и аккуратно приземлился у его лодыжки.

Он оскалил клыки.

Я закрыл глаза.

Сейчас я должен был бы испытывать такую же сильную ненависть, как и тогда к Хан Джун У. Я должен был ее испытывать.

Но я не смотрел. Еще нет.

С закрытыми глазами звуки, доносящиеся с поля, становились еще отчетливее.

Стук футбольных мячей о ноги.

Если бы я открыл глаза, то увидел бы реальность, с которой не хотел сталкиваться.

Кан Джун - идиот, все еще цепляющийся за бесполезную надежду на Го Ёхана.

Кан Джун - который все еще задавался вопросом, когда же это, наконец, закончится.

Кан Джун - который, даже поклявшись не делать этого, открывал глаза и инстинктивно поворачивался, чтобы посмотреть на Го Ёхана.

Я ненавидел все это.

Но больше всего – больше всего на свете – я ненавидел это гребанное расстояние между нами.

Го Ёхан по-прежнему сидел на вершине высочайшего пика.

И сколько бы я ни смотрел на него, он ни разу не оглядывался на меня.

— Ах, ах!

Чей-то голос разбудил меня.

Когда я открыл глаза, меня встретил не обычный пейзаж.

Передо мной был футбольный мяч.

— ...А?

Прежде чем я успел среагировать, мяч, отброшенный со всей силы, врезался мне в лицо. Мое тело отшатнулось назад.

— Эй! Ты в порядке?!

Когда я поднялся, боль расцвела у меня под носом. Я вытер кровь ладонью.

Ярко-красную.

Я поднял голову, глаза горели, пытаюсь найти виновника.

Найти его было нетрудно.

Все взгляды были устремлены в одном направлении.

Там стоял Пак Дончоль.

У этого идиота хватило наглости лениво поднять руку и крикнуть:

— Кан Джун! Виноват! Это был несчастный случай, клянусь! Ты же не злишься, правда? Прости, чувак!

— Эй.

Это невнятное извинение вывело меня из себя.

— Как, черт возьми, ты вообще умудрился ударить по мячу так сильно, что он долетел сюда?

— Что?

Пак Дончоль приложил ладонь к уху, как будто не слышал меня.

Я снова вытер нос. Еще больше крови размазалось по моей коже.

Черт возьми.

И все же..

Несмотря ни на что...

Я посмотрел на Го Ёхана.

Это было доказательством.

Доказательство того, что какая-то жалкая часть меня все еще надеялась на него.

Как всегда, я ждал, что он унижит Пак Дончоля, как он делал это раньше.

Но он этого не сделал.

Он просто стоял там.

Наблюдая за мной.

Ничего не говоря.

Я застыл на месте.

Тот, кто помог мне, был не Го Ёханом.

Это был не кто-то из моего прошлого.

Это был просто какой-то случайный одноклассник – тот самый парень, который разговаривал со мной тем утром.

Он помог мне только потому, что был рядом.

Больше никто не вмешался.

Никто не окликнул Пак Дончоля.

Все просто смотрели.

Смотрели на Го Ёхана.

Посмотрел на меня.

И я...

Я все еще смотрел на Го Ёхана.

Пожалуйста...

<http://bllate.org/book/12586/1241738>